

свете". Тогда не нужно будет ввозить в страну готовые изделия, а достаточно будет только покупать сырье, если своего нет. А заодно научиться использовать свое отечественное "худое" железо, которое даром пропадает.

Необходимо отметить, что проблемы, поднятые Ю.Крижаничем, осознавались московскими властями в XVII в. В Россию на службу приглашались иностранные мастера и их труд становился достоянием Русского государства. Для многих из них обязательным условием службы было обучение русских учеников. Но более интенсивно процесс развития отечественной промышленности пошел уже при Петре I в первой четверти XVIII в.

¹Работа выполнена при финансовом содействии РГНФ (проект № 98-01-00400).

²Крижанич Ю. Политика. М.: Новый Свет, 1997.

³Бакланов Н.Б., Мавродин В.В., Смирнов И.И. Тульские и Каширские заводы в XVII веке. М.; Л., 1934 и др.

⁴РГАДА. Ф.365. Оп.1. № 14.

⁵Новомбергский Н.Я., Гольденберг Л.А., Тихомиров В.В. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. // Очерки по истории геологических знаний. Сб.8. М., 1959.

⁶В комментариях к используемому изданию "Политики" Китайский острог ошибочно приравнивается к Кетскому.

*М.В. Мелихов
Сыктывкар*

“КНИЖНАЯ” ТЕМА В СОЧИНЕНИЯХ ПЕЧОРСКОГО СТАРООБРЯДЦА С.А.НОСОВА¹

Творчество печорского старообрядческого писателя и книжника С.А.Носова (1902–1981) и его вклад в рукописную традицию Севера изучены мало. Со слов С.А.Носова и из его воспоминаний известно, что сам он написал 22 “книги” (это небольшие, в 100–150 страниц, компилятивные рукописные сборники), 106 писем к печорскому старообрядцу Е.И.Осташову, автобиографические записки – приложение к циклу из 19 видений (небольших апокалиптических сочинений, написанных в подражание средневековым видениям).

Главная особенность оригинальных сочинений С.А.Носова (прежде всего видений и писем) – их ярко выраженный личностный характер и отчетливая ориентация на стиль и образность произведений протопла Аввакума. Не имея за плечами систематического образова-

ния, С.А.Носов ориентируется на христианскую и апокалиптическую литературу. Природная одаренность позволяет ему создать произведения с глубоко самобытным образом главного героя – самого автора. Однако факты собственной биографии С.А.Носов тщательно перерабатывает, составляя из них повествование, в котором этикетные апокалиптические мотивы накладываются на современную автору (и читателю) действительность. Ориентируясь на такие жанры средневековой литературы, как видение, житие, проповедь, послание, он создает сюжеты собственных произведений, не уступающих ни по новизне, ни по оригинальности повествования книгам современных авторов. Умело komponуя этот разнородный материал, он выстраивает из него цельные и логически продуманные сюжеты, доводя до читателя простейшую и, по его мнению, важнейшую мысль о необходимости спасения души.

Стиль и композиция видений С.А.Носова во многих элементах сходны со стилем и композицией произведений нескольких традиционных церковных жанров – проповедей, апостольских посланий, торжественных слов, видений, хождений по мукам: они могут начинаться с обращения к предполагаемой аудитории (“братия”, “детям”), затем следует основная часть, насыщенная автобиографическим материалом и собственными рассуждениями, подкрепленными ссылками на Священное писание; завершаются же они заключением, в котором практически всегда сформулировано отношение автора к заданной в названии произведения теме.

Из писем (например, из недатированного письма № 106) можно узнать не только о составе личной библиотеки С.А.Носова, но и о взглядах печорского старообрядца на назначение человека как хранителя книг, которые, по его мнению, являются не частной “материальной” собственностью их владельца, а собственностью духовной, и назначение верующего человека – хранить и нести “книжную” мудрость потомкам. Книги здесь перечислены по названиям, упомянуты их бывшие владельцы и указано, что их также надлежит почитать, сказано, кому и какую книгу передать после смерти самого С.А.Носова. На одной странице этого письма помещен список книг, составленных и написанных им самим с приписками, кому из друзей или родственников книга завещается, причем не как личная собственность, а как собственность общая: “Пользоваться советую не одному, а всѣ бы смогли познакомиться по данным книгам поучения”.

Цитат из книг Священного писания в сочинениях С.А.Носова совсем немного. На первом месте по частотности упоминания в сочинениях Носова – Евангелия (непосредственно упоминаются 23 раза), на

втором – Апокалипсис (18 раз), затем – ссылки на Псалтырь (11 раз) и далее по убывающей – Видение Григория, Триоди, Златоуст и ряд других богослужебных и четьих книг, включая Житие протопопы Аввакума (5 раз). Некоторые из цитат неоднократно повторяются, и, по всей вероятности, они стали своеобразными авторскими *loci communes*. Примером такой формулы может послужить фрагмент стиха, позаимствованного из Апокалипсиса: “воздати комуждо по дѣлом его” (От. 22, 12), который многократно повторяется во многих письмах (№ 86, 90 и др.).

Примеров свободной импровизации на мотивы христианских книг немного. Так, мотив “книжной горечи” в “Видении о литературе” позаимствован С.А.Носовым из Откровения Иоанна Богослова. В Откровении Иоанн съедает поданную ангелом книгу и обретает пророческий дар (От.10, 9). С.А.Носов строит на этом описание одной из многочисленных казней, которым подвергнут герой за его пристрастие к мирской литературе. Судья приказывает ему есть бумагу и пить чернила, которыми были эти книги написаны. Он “начал не хотя есть бумагу и пить чернила. О, сколь горькая бумага и сколь противныя запахом чернила...” Вне всякого сомнения, что из Евангелий пришло в это видение и следующее сравнение: “И мысленно осуждаю себя как бы разбойник при кресте Господни: достоин бо я пригвождения ко стене сей за грехи мои”. Есть в видениях и мотивы, навеянные лицевыми православными книгами или лубочными картинками.

Значительно больше в произведениях С.А.Носова неточных цитат, в которых пропущены или заменены отдельные, чаще всего непонятные современному человеку слова; общий смысл таких фрагментов не меняется. О степени грамотности С.А.Носова можно судить по письму № 3 (от 15.03.66), где он переводит 37 книжных слов на современный язык. Неверно в этом “словаре” переведены только 5 слов (“гобзнуюющих” как “правлящих”, на самом деле – “богатых”, “поветует” как “насильствует”, надо – “наговаривает” и др.).

Намного больше в сочинениях Носова оригинального материала, “показанного” ему в видениях, но иногда имеющего соответствия в произведениях литературных. Например, можно предположить, что С.А.Носов читал “Красный цветок” В.М.Гаршина и по ассоциации с этим произведением ввел в свое “Видение дверей” мотив “красивого цветка” – своеобразного символа времени, отведенного ему для выбора правильного пути, увядающего, когда время выбора истекает. Со всем невозможным будет предположение, что С.А.Носов был знаком с картинками П.Брейгеля-старшего или И.Босха, а в его видении “Суд и осуждение в студенец” множество типологически сходных мотивов в изображении казней грешников: дети там “нечеловеческаго обличия, короче говоря, зверьки во сряде (наряде, одежде.–М.М.), потому что у

многих медвежьих уши или на голове гребни петуха, собачьи носы, руки, что лапы лисы или обезьянки...” и т.д.

Сочинения С.А.Носова доказывают, что в его лице получила достойное завершение богатая рукописная традиция Печоры, издавна считавшаяся неиссякаемым источником древнего народного православия, защитниками и радателями которого во второй половине XVII в. были знаменитые пустозерские узники – протопоп Аввакум, Лазарь и Епифаний.

¹Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 98-04-062881.

*А.Г. Мосин
Екатеринбург*

О КОНКРЕТНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭТИМОЛОГИИ ФАМИЛИЙ И ИСТОЛКОВАНИИ ЗНАЧЕНИЙ ИХ ОСНОВ

Изучение фамилий до сих пор остается делом исключительно филологов, хотя совершенно очевидно, что возникновение и дальнейшее существование фамилий во времени и пространстве должно быть предметом исследования прежде всего историков. Возможности фамилии как исторического источника остаются нереализованными, более того, сама постановка проблемы таким образом в отечественном источниковедении отсутствует. Работа над материалами для исторического “Словаря уральских фамилий” убедила автора в плодотворности конкретно-исторического подхода в антропонимических исследованиях. Приводимые ниже примеры заимствованы из первого тома подготавливаемых к изданию материалов для словаря – “Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 г.)”.

Автор популярного этимологического словаря “Русские фамилии” Ю.А.Федосюк при объяснении фамилии Засыпкин исходит из значений слова “засыпка”, предлагаемых многими словарями: “помощник мельника; он засыпает хлеб в ковш, набивает муку в мешки и пр.” (Даль); “работник на мельнице (тот, кто засыпает зерно)” (“Словарь русского языка XI–XVII веков”); “рабочий, засыпающий зерно в жернова, помощник мельника” (“Словарь русских говоров Среднего Ура-